

Источник: Дементьев В. В. Дар Севера / В. Дементьев // Поэзия и жизнь / В. Дементьев. — Вологда, 1960. — С. 21-38.

ДАР СЕВЕРА

Старинное изречение гласит: хочешь узнать поэта — побывай на его родине. И не только побывай, но и посмотри на все его глазами, глазами художника. И тогда увидишь, что тот же лесистый, неприветливый Север — край удивительный и по неповторимости жизненного уклада людей, и по красоте природы, и по ее изобилию. Там, если заря, то — на полнеба, если дождь, то — на неделю, если лес, то — до края земли. Крикнешь слово с речной кручи — покатится эхо по перелескам и сгаснет далеко в заречной стороне. Простор! Зацветут льны — и сине-сине станет за околицей, словно выцветшее северное небо отдало земле свою густую майскую голубизну. А ударят морозы — и в обжигающем январском тумане будет медленно опускаться в леса огромное, немыслимо багряное солнце.

Не потому ли народная кисть взяла у матери-природы краски яркие, тона — контрастные, мотивы — замысловатые.

Полотенца в деревенских избах расшиты такими пестухами, что кажется, вот-вот загорланят певуны с деревянных полочек и зеркал, где исстари — для красоты — висят льняные рушники, чудо женского рукоделия.

В тех же деревенских пятистенках под сухую россыпь коклюшек можно часами разглядывать кружевные подзоры, дорожки, накидушки, уголки, узнавая в них поэзию Севера и заветную мечту кружевницы. Любят на Севере и складную бивальшинку, и меткое, в рифму,

слово. Песня, сказка, байка, частушка — в труде ли, на отдыхе ли — звучат между делом, сопутствуя человеку от колыбели до глубокой старости.

До сих пор в дальних северных районах во время снокоса снаряжают вместе с колхозными бригадами престарелых сказочников и песельников, определяя их, по совместительству, на должность кашеваров.

Где-нибудь на плотках, тянущихся добрый километр, или возле полевого стана сидят у огонька люди. И обязательно находится среди них бойкий на слово или, как говорят в вологодском крае, тороватый человек.

— Иду, значит, я самой утрешной ранью, — обычно начинает он окающей скороговорочкой, и не знаешь, чему больше удивляться — неиссякаемой ли выдумке рассказчика или образности и точности его речи.

А как запоют девчата, возвращаясь на рассвете из какого-нибудь Ондронина, куда они ходили на гулянье за десяток верст! Босые ноги по щиколотку в росе. Туфли, чтоб зря не стапывать, в руках. Молодые голоса звучат задорно, и песня, как дыхание, проста и необходима и предрассветной земле и самому человеку.

Теперь в сельских клубах, на народных гуляниях, на свадьбах редко-редко услышишь протяжную «старинушку». Разве что старики вспомнят молодость да запоют. А запоют — загрустят. Потому что много обид и горечи пришлось хватить на веку, и песня, как ничто другое, воскресит забытое, поросшее быльем.

Вспомнятся старинные частушки, которые теперь уже нигде не поют, которые можно спеть под хитрый перебор гармошки, под балалайку, а то и под «губную музыку» — запросто так.

...Ехали на подводах, шли пешком молодые парни и многодетные мужики на войну с германцем — первую империалистическую войну. И рвалось из самого сердца невеселое:

Неужели, неужель
Оденут серую шинель?
Неужели серую,
Оставлю дролю бедную!

Шел вместе с другими новобранцами на царскую службу и Яков Попов — мужик из деревни Блудново. Как и у всех, осталась у него дома семья: младшему — Александру — не исполнилось и двух годков. Ушел вое-

вать Яков — и не вернулся, сгинул где-то на проклятой народом войне. Осталась жена вдовой-солдаткою перебиваться с хлеба на воду, растить детей, одной управляться с крестьянским хозяйством.

Так началось детство Александра Яшина (Попова) — своеобразного и талантливого советского поэта. Оно мало чем отличалось от детства его сверстников из других бедняцких семей. Пришлось ему походить за бороной, ездить в ночное, вставать до свету по «губину» — рыжики, грузди, сыроежки. Были свои радости, были и свои беды. Только, может быть, глубже западало в сердце песенное слово, тише становилось дыхание, когда в гулком, холодном овине, у жарко потрескивающей печки, начинал какой-нибудь дремучий дед нараспев свою «старину».

Нередко, возвращаясь из школы, Александр мог видеть, как его товарищи накоротке сочиняли бойкие частушки. Традиция эта жива во многих вологодских районах и поныне: нехитрую частушку в колхозном селе сочинить или по-своему переделать может почти любой. Все это вошедшее в быт, исторически сложившееся фольклорное окружение и явилось для Яшина первой школой поэзии. Но не будь Октябрьской революции, судьба даровитого подростка, видно, была бы похожа на судьбу героини его стихотворения «Сказочница», которая весь свой век:

Где жила — не ведала,
Что вокруг — не видела,
Дальше поля дедова
Не бывала с выдела.

Два-три класса — вот и вся наука, на которую мог рассчитывать деревенский парнишка из глухого Никольского уезда. Но старая жизнь и старый крестьянский уклад шли на слом. Подростком бежал Александр от отчима в Никольский детский дом. Был он там принят в школу, окончив которую, поступил в Никольский педагогический техникум. Здесь — все внове, все впервые. Первое знакомство с большой литературой, с поэзией, с новинками современных пролетарских писателей, первые стихи в местной газете «Никольский коммунар».

Каждое лето, в каникулы, Яшин по-прежнему работал дома по хозяйству: выезжал на дальние лесные по-

косы, плотничал, молотил хлеб, промышлял зверя. Среди земляков и односельчан был он известен и как мастер сочинять складные бывальщины. Пошло это с тех пор, как однажды сочинил он бывальщину про «Арсе-ню-батрака». История о том, как Арсения «за осьминку табака робил год у кулака», была известна в округе многим. Ведь и Арсения и кулак — свои, деревенские. Но было удивительно слушателям из пожилых крестьян и молодежи, что об этом, близком, общежитейском, можно рассказывать стихами.

Эпизод с бывальщиной, приведенный А. Яшиным в «Автобиографии», любопытен своим тематическим прицелом. Пройдет десятилетие, и Яшин вернется в поэме «Мать» (в новом, значительно переработанном варианте «Мать и сын») и к образу батрака Петра Долгова — по прозвищу «Долог — Тонок», — и к образу сельского мироеда Михайлы, и ко всей, ставшей уже историей, обстановке конца двадцатых годов. Бурные сходки, народные собрания, обобществление пахотных земель, раскулачивание деревенских богатеев, создание первых артелей — все эти зримые приметы начавшихся великих перемен в жизни трудового крестьянства были кровно близки комсомольцу, студенту, а затем молодому учителю Александру Яшину. Он, человек, выросший в деревне, в нужде, принимал близко к сердцу заботы и чаяния своих односельчан и вмешивался в стремительный ход событий, где мог. Так стала определяться одна из основных тем его творчества — тема становления колхозного строя, крушения старого частнособственнического уклада в северной деревне. Яшин много ездил по районам, писал корреспондентские заметки, статьи. Но для того, чтобы рассказать обо всем увиденном и пережитом в поэзии, не хватало еще опыта, не хватало своих слов и образов. И лишь в одном-двух стихотворениях прорезался собственный голос Яшина. К таким стихам прежде всего относился «Льнозавод».

Начинается стихотворение в духе старинных хоро-водных песен, как бы напоминая своим ладом дореволю-ционный Север:

Еще травы сверкали росой —
Я ходила своей полосой,
Полосой из конца да в конец,
Уж я сеяла лен-долгунец...

Поздней осенью вызрел мой лен,
Но не чист, не богат, не длинен,
И в дождливый, в ненастный денек
Я одна теребила ленок...

— Нет, было так! — восклицает поэт и в ином ритмическом ключе рассказывает о том, как сеяли лен его земляки.

Наступили страдные дни — и

Прямо через гумна да по полосам
Вышла за деревню
деревня вся.

Молодым задором веяло от этих строк, посвященных родной деревне, которая впервые объединилась для работы на полях, для коллективного труда.

Сборник стихов Александра Яшина «Северянка», изданный Гослитиздатом в 1938 году, появился в ряду многих других поэтических книг, посвященных новой советской деревне, книг, лучшими среди которых по праву можно назвать «Сельскую хронику» А. Твардовского, «Стихи и песни» М. Исаковского, «В защиту влюбленных» А. Прокофьева, «Стихи» Н. Рыленкова. Но «Северянка» не затерялась в этом широком потоке. И читатели, и критика отметили молодой свежий голос, своеобразное дарование поэта, «богатый словарь», «вольный песенный, с неожиданными переходами ритм», «полусказочное ощущение Севера», присущие его первой творческой заявке в большой литературе. Особенно удачны в сборнике были стихи о девушке-колхознице Олене, о вологодской кружевнице Олексеевне и другие, рассказывающие о славных тружениках и труженицах Севера. В этих стихах, а также в стихотворениях «Слова-то красивого», «Шла я нынче заимкой», «Мета», «Сказочница», «Девушка», «Сватовство», «Присказки» и многих других, написанных на широкой песенной основе страданий, заповок, частушек, проявилась близость А. Яшина устному народному творчеству Севера, впитанное с молоком матери знание быта, труда, жизни односельчан. Яркость, праздничность — вот что, с другой стороны, родило его поэзию с народной живописью. Проявившееся позднее в отдельных произведениях А. Яшина условное, облегченное изображение жизни села как раз противоречило этому полнокровному, по-народному сочно-

му восприятию мира, нашей действительности. При всей праздничности, красочности «Северянка» в основе своей была книгой подлинно реалистической. Реалистичность, красочная щедрость ее сказывались во всем: в языке, в выборе сюжетов, в отдельных деталях. Если в деревне строят избу для молодоженов, то непременно «с целой выставкой резьбы». Если проходит по-над берегом реки парень, то «сапоги скрипучие на нем, поясок малиновый, пеношенный». Если выходит танцевать молодлица, то, оправив «широченные воланы, золотую карусель», топнет раз — цветы раскинет, топнет два — косынка с плеч!

Заговорит поэт о родной природе, и тут же повеет сказочным изобилием:

Диким хмелем завито крылечко,
В рощах зверь непуганый, грибы,
Хоть лопатой ягоды гребни,
Хоть ведерком черпай рыбу в речке.

Это былинное, эпическое ощущение Севера было в значительной степени ощущением детских лет. Но и в дальнейшем поэт оставался верен ему.

Яшин в своих стихах оказался чужд какого-либо механического воспроизведения старых образцов, слепого повторения старых фольклорных мотивов. Подобное чаще всего случается с поэтами книжными, поэтами, черпающими свое вдохновение и свой колорит из книжных источников. А лучшее в творчестве А. Яшина питала и питает сама жизнь.

Взять хотя бы «Северное сказание».

На Мезэни было,
На Мезэни.
Не богата на Мезэни зелень,
Зыбунисты мшистые дорожки.
Но красны болота от морошки.

Неторопливо, с повторами, с параллелизмами начинает разворачиваться сказание о том, как бежал К. Е. Ворошилов из царской ссылки и как до сих пор хранит придорожный камень его след «в Заонежьи, в заовражьи». Так причудливо переплетаются в устах старухи-кружевницы вымысел и правда, сказочность и реальность, и все «Северное сказание» уходит своими корнями в народное творчество, в поэзию наших дней — этот

истинный и драгоценный дар Севера всякому художнику, творцу, поэту.

Но главное в поэтическом творчестве А. Яшина — характеры наших современников, жителей деревни, людей новых, с новым отношением к труду, к земле, к жизни. Раскрыть это новое, что отличает нашего современника от людей прошлого, и постарался поэт в стихотворении «Свет в душе» (1946). Начинается оно горькой повестью про деда, который «за шар земной своей земли вершка б не уступил».

И шла молва про старика
Крута, не хороша:
Черна душа у мужика,
Берлога — не душа.

Ушедшее в невозвратное прошлое, частнособственническое глубоко засело в старом крестьянине, хоть и не смог он до седин скопить добра, зажить в достатке. Плоть от плоти, кость от кости этого крестьянского мира поэт сам берет слово и говорит о себе, о том «свете в душе», который зажгла в нем Октябрьская революция, новая жизнь.

И я мужик,
И мне любя
родимая земля,
И я болею за хлеба,
За зря не жгу рубля.
Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил.

.....
По той же пахоте хожу,
С лица текут ручьи.
Но я на шар земной гляжу,
Как на поля свои.
И чтобы свет в душе не гас, —
За правду, за свою,
За нашу власть,
За всех за нас
Всей жизнью я стою.

Опираясь на конкретные впечатления из жизни вологодской колхозной деревни, Яшин создает ряд ярких поэтических образов, как бы выхваченных из самой гущи народной. Его Оленка, бойкая, колхозная девушка, так отрезала одному «ученому из района», восхищавше-

муся «интересными пережитками» старого Севера, что тот не нашелся, что ответить, и был довольно язвительно осмеян окружающими. Оленка родилась и выросла при Советской власти. И чувство равноправия, гордое достоинство труженицы, с которым она разговаривает с «районным ученым», воспитала в ней советская действительность. В дореволюционной деревне простая крестьянская девушка вроде Оленки, конечно, чувствовала бы себя стесненно в разговоре с незнакомым приезжим человеком, тем более «ученым».

«Запечница» — Авдотьюшка, чья молодость прошла без радости, чье горе не знало меры, с удивлением думает об этой новой молодой поросли:

Ничего им, нынешним, не в диво:
Платья носят — синий шелк с отливом,
Для любой — гармошка на растяг.

Стихотворение «Оленка» перекликается с частушкой, которую особенно охотно поют колхозные девчата и сейчас:

Говорят, что боевая.
Боевая я и есть.
Нынче времечко такое:
Боевым большая честь.

В этой короткой запевке так живо и непосредственно схвачено самое важное, самое существенное в нашей жизни и в облике самих певуний, что лучше, как говорится, и не придумаешь. Именно боевитость, жизнерадостность, задорность роднит характер Оленки и ее товарищ из частушечных четверостиший. Глубокая достоверность, народность образов, созданных в стихах А. Яшина, становится после этого еще более убедительной.

Лукавый юмор окрашивает многие современные девичьи «страдания». Авторы и исполнительницы их не прочь поиронизировать над неловким «ухажором-забавой», над нерасторопным бригадиром, над соседками, которые любят посудачить. На вечерках, где-нибудь в колхозном клубе, на «пяточке» у деревенского пруда нет-нет да и раздастся:

Видно есть такие люди —
Несознательный народ:
Проводил дроля до садика,
Сказали — до ворот.

Полнота жизнеощущения, радостное чувство свободы и независимости от «власти» родителей, от домостроевских обычаев, наконец, насмешка над суконным языком иных заезжих «ученых из района» — украшивают запевку приметной лукавинкой.

Александр Яшин в стихотворениях «Шла я нынче заимкой», «Мета», «Сватовство», более поздних «Бабы», «Телеграмма» широко пользуется этим приемом народно-песенного творчества. Стихи становятся доходчивее, живее, когда в них есть человеческая теплота, есть лукавинка.

Шла девушка снежным утром заимкой, шла и удивлялась, сколько за ночь зайныка напетлял, «вывертов наделал». Это доверчивое признание таит и скрытую хитринку.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер.
До чего ж закручены
У милого речи!
Просто заливаётся —
До того хлопочет.
А о чем старается?
А чего он хочет?..
Я сноровку дикую,
Заячью-то, знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

Растущее мастерство поэта видно и в лукавом подтексте стиха, и в свободном владении разнообразной народной речью.

Характерные черточки северного говора Яшин вводит в стихи не только для того, чтобы создать местный колорит, но и для того, чтобы подчеркнуть духовный рост своих героев, их новое сознание, их новое мироощущение.

Сколько наименований милого, возлюбленного, близкого сердцу человека бытует в песнях и частушках северных районов Российской Федерации! «Дролечка», «залетка», «ягодиночка», «ненагляда», «касаточка» — встречается почти в каждой песне, в каждой припевке. Конечно, среди них немало частушек-однодневок, сочиненных по очень местному или очень личному поводу. Но зато в тех, которые целые районы, иногда целые области подняли «на голос», запели, глубина переживаний

передается с большим искусством и глубокой эмоциональностью.

Вспоминается в связи с этим одна такая запевка, которую довелось мне услышать в Кубено-Озерском районе, и, услышав которую, просто невозможно было не запомнить. В летних сумерках на краю деревни высокий девичий голос внезапно вывел:

Милый мой теперь далёко —
За тёмными ёлками.

И оборвался. Другой, гуще, сочнее, подхватил начатое и закончил:

Колет, колет ретивое,
Колет, как иголками.

В нашей большой и разнообразной поэзии не много, пожалуй, найдется примеров такой «локальности» образа, такой краткости и выразительности поэтического слова. Ведь еловая чаша, окружающая деревеньку, была темна и в ненастье, и в светлые солнечные дни, а разлука, видно, колола девичье сердце посильнее, чем жестковатая, холодная хвоя елок.

Такие частушки и запевки долгие годы пользуются неизменной популярностью среди нашей колхозной молодежи. Но как ни длительно бытование частушек о разделенной или безответной любви, о разлуках и встречах, о надеждах и горьких разочарованиях, жизнь опережает фольклорную традицию, и слова-обращения вроде «державушка», «касатушка» безнадежно устаревают.

Это явление не могло не обратить внимания художника, чуткого к современности. От имени девушки-колхозницы написал А. Яшин стихи «Слова-то красивого», мастерски использовав богатство песенного языка.

Слова-то красивого
Не подыщешь наскоро.
Как назвать мне милого
Задушевно, ласково,
Чтобы всем понравилась,
Чтобы в песню ставилось.

«Приголубить надо бы, а слова все старые», — с грустью думает девушка. Особенно странным ей кажется назвать своего милого «державушкой». «Не такая славушка у мово хорошого», — с гордостью заявляет она,

протестуя против обветшалой песенной традиции, в которой все еще держится «держава», «державушка» — сдновластный хозяин, «большак» в крестьянской семье.

Стихотворение заканчивается решением девушки высказать свои чувства заветными словами, которые «сами сразу скажутся».

Для того, чтобы написать такие стихи, нужно, помимо знания языка, еще уметь перевоплотиться, войти в чужой характер, раскрыть внутренний мир героя его словами, его голосом.

Эта эпическая «хватка» А. Яшина особенно отчетливо обнаруживается в его поэмах «Мать и сын» и «Алена Фомина», о которых немало писалось в нашей печати и которые известны самому широкому кругу советских читателей. Следует заметить, что еще в 1938 году, когда эти поэмы не были написаны Яшиным, в рецензии, опубликованной в «Октябре», Л. И. Тимофеев подметил по преимуществу эпический склад художественного дарования поэта. После опубликования поэм имя Яшина стало по праву ставиться в ряд наших поэтов-эпиков. Но и лирика поэта — это интересное и самобытное явление современной русской советской поэзии. Вот почему в этих заметках речь идет преимущественно о его лирических и лиро-эпических стихах.

* * *

В августе сорок первого года на ближних подступах к Ленинграду — под деревней Ямсковицы — батальон морской пехоты принял бой. Из окопчиков во время затишья бойцам виднелось большое поле поспевающей ржи, опаленное огнем, изрытое снарядами, исполосованное танковыми гусеницами. Надолго запомнился А. Яшину и этот бой — первое фронтовое крещение — и это поле.

Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Не ветром укачало рожь, не мирный сон повалил навзничь ребят в черных морских шинелях: шла великая битва за свободу и независимость социалистического отечества. И чем ожесточеннее разгорались бои, чем напряженнее была работа в краснофлотских многотиражках, чем туже затягивалось кольцо блокады, тем чаще в стихах и мыслях возникал образ родины, образ родной стороны.

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило
Брусника в чашах,
Рек голубизна —
Война все чувства наши обострила.
Просторны тесом крытые дворы.
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!
Моторы в сизых ельниках стучат.
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок...

Отстоять все это близкое и родное от вражеского нашествия, освободить землю от фашистской нечисти — таково было главное чувство, вдохновлявшее поэта, волновавшее его товарищей по оружию.

Осажденный город Ленина — там, во время обстрела дальнобойными немецкими орудиями, «шарахаются бронзовые люди, живой проходит, не оборотясь», — краснофлотские бронепоезда, Волжская военная флотилия, Черноморский флот — «этапы большого пути», пройденные газетчиком, поэтом, очеркистом Александром Яшиным. В спешке, в тревогах, в боях писать приходилось много, и далеко, конечно, не все выдержало испытание временем. Но лучшие стихи из военных сборников: «Красная горка», «На Балтике было», «Город гнева», «Земля богатырей» — отражают всенародный героизм и непоколебимую веру в победу.

А победа близилась, весна сорок пятого года уже шла по всем дорогам, по всем фронтам и «чувство семьи единой», как очень точно сказал П. Тычина, еще более крепло в каждом советском человеке.

Это чувство выразил А. Яшин в стихотворении, помеченном сорок пятым годом.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.
Березоньку наклонишь —
Весь лес шуметь начнет,
Кого из нас не тронешь —
Поднимешь весь народ.

Песенный образ северной «березоньки» придает этим строчкам весеннюю свежесть.

Значит, вновь мы встречаемся с сокровенными впечатлениями поэта, встречаемся с его родным краем, который подарил художнику свои лучшие краски и цвета!

В дни войны А. Яшин не только пишет большой цикл стихов «Земляки», но по-прежнему часто обращается к фольклору северных областей. Богатая словесная инструментовка стиха, разноударная рифма, звуковые повторы — все эти и многие другие приметы его стихотворной техники находятся в самом тесном родстве с северной песней-частушкой.

Не раз ему, наверно, приходилось слышать в родных местах припевку: «Эх, ноженьки, из дороженьки...» В стихотворении «Далекie походы» А. Яшин своеобразно использовал ее:

Желтые дороженьки,
Далекie походы.
Ноженьки вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

В «Далеких походах» Яшин употребляет излюбленную тройную рифму:

Суконные обмотки,
Железные подметки.
Земля вовек не видела
Уверенной походки.

Тройная рифма, придающая большую крепость стиховой конструкции, чрезвычайно характерна для частушечного творчества. Достаточно сравнить:

Что-то на сердце темно,
Не видал тебя давно.
Очень часто занавеской
Занавешено окно.

Вообще система рифмовки в северной частушке разнообразна и пибка. Есть четверостишия, в которых почти каждое слово рифмуется между собой. А. Яшин в лирических стихах умело использует достижения «народоязыкотворца». Но использует творчески, самобытно.

Его стихотворение военных лет «Шинель» (1941) не только опирается на песенную традицию. Оно выражает чувства воина-защитника, испытавшего на войне немалые тяготы и лишения и стойко переносящего их во имя общей победы над врагом.

Эх, шинель моя, шинель!
Длинная, походная,
В слякоть осени, в метель
Теплая и модная.
Черная,
Просторная,
Ладная,
Нарядная,
Краснофлотская подруга —
Шуба ненаглядная...

Прибегая к юмористическому повороту темы, Яшин пишет далее:

Неужели ж, неужель
Я сниму свою шинель?
Может быть, и в самом деле,
Как окончится война,
Без шинели
По панели
Поведеет меня жена?

От этого двойного «неужели-неужель» вдруг на какой-то миг повеет далеким-далеким: ехали на подводах, шли пешком новобранцы четырнадцатого года, и рвалась из сердца невеселая отчаянная припевка: «неужели-неужель оденут серую шинель»... Но нет, ничего, кроме случайно сохранившегося в памяти песенного созвучия, не осталось в этом боевом стихотворении. Когда оно писалось, от Белого до Черного моря шла война. Миллионы советских людей, одетые в солдатские шинели, отстаивали право народа на свободное и независимое существование.

* * *

Далеко от деревни Блудново, под Тихвином, остановился огненный вал войны. Там выжгли и вырубил лес шквальные минометные налеты, искромсали землю тяжелые фугаски, затянули окопы ржавые болотные воды. А здесь, на первый взгляд, все осталось по-прежнему, как и до памятного июня сорок первого года — мирно курились трубы деревенских изб, скрипели колодезные журавли, пылили по большакам разбитые районные полуторки. И в то же время все по-другому, все строже, все напряженнее; ведь

... по какой дороге слезы
Осенним утром не лились.
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

Война пришла и сюда — фронтовым приветом, печалью похоронной, неустанной, не знающей ни края, ни меры, работой на колхозных нивах. Матери, сестры, жены — великие труженицы колхозного села — приняли на свои плечи тяжесть долгих военных лет и заменили бойцов, ушедших на фронт. Даже тот, кто весь свой век прожил, «белый свет не застя», кто всю жизнь простоял в стороне от общественных дел и забот, даже тот включился в коллективный труд. Именно так случилось с бобылкой Настасьей, одинокой безродной, «женщиной безвредной». Всеобщий трудовой подъем захватил Настасью, которая ожила, помолодела в этом новом для нее ритме общественного труда. Поэт пишет, что «спустя полгода власти похвалили даже Настю», и мы охотно верим этому, ибо только труд на общее благо мог так сильно и быстро преобразить человека.

Но что Настя! А. Яшина волновал трудовой подвиг русской женщины, его тянуло к созданию подлинно народных характеров. После демобилизации в сорок четвертом году он едет в родной колхоз «Красный пахарь», и там, по мере сбора материала, у него начинает вырисовываться образ Алёны Фоминой — талантливого колхозного организатора, человека, понявшего, что в наши дни «люди хотят полета, размаха, души во всем».

Образ труженицы-крестьянки вообще занимает большое место в сюжетной лирике А. Яшина. Многие его довоенные стихотворения показывают, как «земля ложилась на счастливый путь», как менялась «доля русская, доля женская».

В этих глубоких переменах в жизни рядового труженика и труженицы, произошедших за годы Советской власти, поэт видит основы всенародного патриотизма, проявленного советскими людьми в годы Отечественной войны, видит основы нерушимого единства фронта и тыла. Уже не бойкая песенная скороговорка, а торжественные звуки фанфар слышатся в его стихе:

Слава — кому ураган не страшен,
Кряжу скалисту — тверд гранит!
Слава таким державам, как наша:
Землю качает — она стоит!

Встречи с земляками обогатили творчество А. Яшина целым рядом новых интересных стихотворений, таких, как «Хмель», «Первый год весна, как чудо», «Сама

победа». Нетрудно в них заметить открытое ликование, общую восторженную окраску. Ведь в эти дни, в дни послевоенного мира, «словно в первый день творенья, приняла зерно земля».

После окончания войны поэт предпринимает новые поиски своих героев — едет на Алтай, на Куйбышевскую ГЭС, на открытие Волго-Дона, в новые целинные совхозы. Ему удается запечатлеть характерные черты своих современников. Вот угрюмоватый старик-конюх, который, получая награду — трудовую медаль, — огорчил всех собравшихся в сельском клубе: «взял и сунул под пиджак да еще нахмурил брови, словно выпил на-тошак».

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

Но оказалось, старик просто растерялся. Никто в темноте после собрания не разглядел:

Как он бороду разгладил,
Как медаль на грудь приладил,
Как он вдруг помолодел.

И только в разговоре с лошадьми конюх отвел, как говорится, душу, высказал то, что не успел сказать людям. Или вот старый плотник — в более позднем стихотворении «Плотник» — не только ловко орудует топором, но и говорит с подростками из ремесленного училища удивительно ладными, крепко «сбитыми» словами:

Для неграмотных сосна
Только дерево, картина,
А для нас гранит и глина,
Гипс и мрамор — все она.

Гордость художника — мастера своего дела чувствуется в этих стихах. Этим уважением к народному труду, истовости рабочего человека отличается и «Свежий хлеб», и «Квартирный вопрос», и другие из опубликованных в последние годы стихов.

Однако творческий путь Александра Яшина не отличается гладкостью и легкостью. На XX съезде партия решительно и смело подвергла критике ошибки прошлого, связанные с культом личности и его последствиями.

Эта критика, как глубоко заметил Н. С. Хрущев, вызвала серьезные раздумья, прежде всего, среди писате-

лей и деятелей искусства, и особенно — и это не случайно подчеркнуто — среди тех, кто был ближе к партии.

А. Яшин оказался среди тех литераторов, которые поддались чувству растерянности и в отдельных своих произведениях потеряли историческую и политическую перспективу. Его первое выступление как прозаика на страницах альманаха «Литературная Москва» явилось тяжелой идейной и творческой неудачей. А. Яшин правильно воспринял партийную критику. Его новые, самые последние стихи, насыщены жизненным содержанием, они правдивы и оптимистичны, в них есть та художественная убедительность, которая сразу же привлекает читателя и вселяет в него новые силы, вселяет уверенность в победу правды и мира на земле.

Особенно интересны последние лирические стихи А. Яшина. Его «чисто» лирический голос в довоенных сборниках и в книгах военного времени в значительной степени звучал обесцвеченно, без той «тембровой окраски», которая придает удивительную неповторимость голосу певца. В любовной лирике он часто варьировал один и тот же мотив — охотник, зверолов, человек угрюмый, неловкий в поступках и действиях, но затаивший глубокую нежность в душе, зовет возлюбленную в родные места, где он чувствует себя свободнее, где ему легче сказать слово любви.

Но постепенно лирические горизонты поэта расширились и в его лирике стала обнаруживаться та же «строчечная суть», что и вообще во всем его творчестве. Так, бесспорно многое есть от некрасовской женщины в величавом и полном душевной красоты и достоинства образе, который воссоздается стихотворением «Что-то есть в тебе очень хорошее».

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности по некошенным,
По заречным лугам хожу.
Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскую веет силою
От большой без колец руки.
Под окошком проходишь — рослая..
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,
Как на родине побывать,

Среди бесспорных лирических удач А. Яшина последнего времени можно отметить стихотворение «Орел». Его философский смысл раскрывается в строчке, несущей основную нагрузку стиха: поэт говорит, что «сердце и орлиное ранимо», но даже смерть у орла величественна, полна торжества и силы. Вот это торжество жизни во всевозможных ее проявлениях, эта яркость виденья мира — отчетливо обнаруживаются в последних лирических стихах Александра Яшина и свидетельствуют о том, что поэт в своем творчестве ставит и удачно разрешает новые поэтические и идейные задачи.

* * *

Подводя итог своим сокровенным раздумьям, А. Яшин в одном из стихотворений пишет:

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Да, нельзя не согласиться, что, действительно, все корни творчества А. Яшина на селе, среди родной природы, среди близких и родных ему людей. Но значит ли это, что поэзия Яшина ограничена «околицей села», что духовный и эмоциональный мир его узок? Нет, конечно, нет. «А я в такую даль взглянул от узенькой межи», — с гордостью, с радостью, с вызовом говорит он в стихотворении «Свет в душе». Лучшее в творчестве А. Яшина и помогает нам яснее видеть нашего современника, хозяина земли, хозяина своей судьбы, чей взгляд, устремленный через «горы времени», видит коммунистическое завтра.